

Российские политические эмигранты. Политические беженцы.

(Мониторинг по Евросоюзу, декабрь 2016 - май 2017)

Политическое убежище: беженцы и просители убежища. Первая часть.

Франция: практика работы ассоциаций с российскими политическими беженцами.

Основной задачей этой части исследования является изучение главных составляющих политического убежища, как события: причин, мотивов, процедуры и практики рассмотрения прошений российскими гражданами.

Этот мониторинг является журналистским исследованием, что дает большую свободу в подаче информации и возможность использования ресурсов журналистики, помимо узких социологических рамок. Мы провели интервью с беженцами последних лет и представителями общественных правозащитных организаций и ассоциаций.

Процедура в странах Западной и Восточной Европы, а также странах Скандинавии может существенно различаться с точки зрения сроков и практики, а также мерами и видами социальной поддержки, возможностями интеграции.

В этой части исследования такая процедура рассмотрена на примерах беженцев во Франции и Германии, как стран Западной Европы, являющихся лидерами по приему беженцев в настоящий момент, а

также на примере помощи общественных правозащитных организаций.

И во Франции и в Германии работают крупные организаций, занимающихся помощью просителям убежища и беженцам, такие как Красный Крест ([Crois Rouge](#) во Франции и [Deutsches Rotes Kreuz](#) в Германии), Amnesty International ([Франция](#) и [Германия](#)) и [FIDH](#) во Франции.

Осуществление помощи происходит на равных правах для всех, без учета национальной или иной принадлежности, и создает в этой связи огромный поток обращений. Кроме этих крупных организаций в каждой из стран работают волонтерские объединения и ассоциации, которые более точно занимаются помощью беженцам.

Ассоциация как эффективная помощь

Для изучения практики рассмотрений прошений об убежище российскими гражданами во Франции, а также для экспертной оценки актуальной ситуации интеграционного процесса, мы поговорили с представителями ассоциации, которая осуществляет сопровождение и информационное обеспечение для российских просителей убежища во Франции [RuCI-Asile](#).

[Елена Коломбо](#), со-основатель и региональный представитель ассоциации, назвала причиной ее учреждения новую волну политических эмигрантов и беженцев. Всплеском отъездов по политическим мотивам эксперт назвала «украденные выборы» 2011

года, когда совместно с коллегами-активистами и было принято решение о создании общественного объединения для помощи российским просителям убежища.

«Ассоциация была создана членами разных других ассоциаций, которые пришли в активизм после 2011 года, после «украденных выборов» и принятия анти-сиротского закона, который нас всех и собрал на протестные совместные акции.

Каждый из создателей нашей ассо RuCl-Asile был участником других ассоциаций, таких как [Russie Liberté](#), [Союз российских избирателей во Франции](#) и [Группа противодействия политическим репрессиям](#).

В какой-то момент к нам стали обращаться люди, которые искали политического убежища во Франции, просто потому что знали кого-то, каких-то правозащитников и активистов, и мы поняли, что мы можем чем-то помочь. Так, в 2013 году у нас появились несколько «подзащитных», подопечных, если их можно так назвать. Официально ассоциация была зарегистрирована в январе 2014 года.

[Создание и деятельность ассоциаций](#), которую могут организовать и официально регистрировать люди, объединенные общей идеей, демонстрируют собой пример одного из основополагающих принципов французского общества: принцип «свободы объединений», и регулируется [Законом 1901 года о «Свободе ассоциаций»](#).

«Это изначально был союз волонтеров, объединенных общей целью, которые могут завести себе офис, собирать фонды, а могут так как мы просто являться летучей группой, и появляться в тех местах где в нас нуждаются», - говорит Елена Коломбо.

Первыми обратившимися за помощью в ассоциацию в 2013 году были антифашисты, имена которых ассоциация не разглашает, и петербургский художник Константин Алтунин с семьей, который [уехал из России](#) в связи с преследованием его выставки «Правители», накануне [закрытую властями](#).

«Нашими первыми «подзащитными» была пара антифашистов, которые убегали от уголовного преследования. Потому что в России антифашистские организации расцениваются как уголовные образования, одновременно с этим такие националистические движения как «Наши», которые их как раз и громят, поддерживаются администрацией Кремля и сейчас. Эту пару антифашистов мы до сих не афишируем потому что они убегали от большой опасности после нескольких допросов в полиции, с применением физического насилия.

Одновременно к нам попал [Константин Алтунин](#), художник, он приехал сюда просить убежище с семьей. Мы начали с того, что сначала встретили его одного, и потом занимались тем, чтобы его семья могла к нему присоединиться: переводили официальные документы по вывозу дочери из России, находили какие-то связи, чтобы у них появилось первое жилье и готовили их досье, уже семейное, для [OFPRA](#)».

Сначала ассоциация затевалась как информационный центр, центр помощи политическим эмигрантам, но очень быстро стало понятно, что этого недостаточно.

«Мы действительно информируем человека, который только собирается бежать, о том, что ему понадобится при прошении убежища, какие документы с собой брать, какие свидетельства собирать. Мы напоминаем о том, что нельзя ни в коем случае забыть, -- рассказывает Елена Коломбо.

«В момент прибытия во Францию мы связываемся с другими ассоциациями и организациями, которые занимаются беженцами официально на месте, которые занимаются приемом беженцев, для того чтобы у человека сразу была возможность взять рандеву -- так называются все официальные встречи во Франции (*от rendez-vous, фр.*) -- в префектуре, сразу записаться в [CADA](#) или ее отделения, для получения документов и социального приюта, то есть общежития. То есть, мы являемся своеобразным интерфейсом между различными административными структурами, которые будут решать вопрос о статусе беженца».

В дальнейшем, со слов Елены Коломбо, члены ассоциации помогают с переводом досье, документов, которые будет подкреплять запрос об

убежище, стараются обеспечить рекомендательными письмами со своей стороны, а также переводят на французский язык те рекомендательные письма, которые дают правозащитники из России.

«... переводим статьи из прессы подтверждающие его историю в которых фигурирует он лично или, когда статья подтверждает антиконституционный закон, из-за которого человек вынужден был бежать. Дальше все это уже может отличаться в зависимости от истории каждого беженца. Служим посредниками в отношениях с администрациями, которые присваивают социальное жилье, помогаем оформить медстраховку, словом все административные шаги, которые могут быть затруднены для человека, который приезжает без языка».

Интеграция

Кроме обеспечения поддержки с документами ассоциация старается помочь в одном из самых сложных для политэмигранта процессов – этапе интеграции.

«Проблема с выделением жилья во Франции стоит очень остро, в отличие от Германии, где очень быстро дают какую-то комнату в общежитии. У нас чтобы ее получить, нужно быть женщиной с ребенком, а еще лучше с двумя или тремя, и то не сразу. Как показал пример Надежды Кутеповой, у которой трое несовершеннолетних детей, например, нужно очень долго торговаться с администрацией для того чтобы жилье появилось. И дело не в том, что администрация не имеет желаний, а в том, что она не имеет возможности. Проблема социального жилья столь острая во Франции потому что, видимо, его недостаточно. И чтобы поглотить весь поток беженцев и каждого обеспечить жильем, нужны другие темпы, видимо. Но мы здесь как раз и находимся чтобы доказать приоритет наших подопечных».

[Надежда Кутепова](#), о случае которой упоминает Елена Коломбо, эколог, активист, руководитель НКО «Планета надежд», вынуждена была покинуть Россию в июле 2015 года, когда НКО было признано «иностранным агентом», а на саму Надежду объявлена травля государственными СМИ. По совету своего адвоката [Ивана Павлова](#), Надежда и ее трое детей в срочном порядке выехали во Францию. В октябре 2015 года она обратилась к властям Франции с ходатайством о предоставлении убежища, а в марте 2016 года была признана политическим беженцем.

Само интервью с офицерами миграционной службы, OFPRA, которая для просителя убежища является первой и одной из самых главных, помимо подготовки досье и доказательной базы, Надежда вспоминает как вполне доброжелательное. Но некоторые процессы интеграции и бытового устройства семьи во время прохождения процедуры, например, на этапе получения социального жилья, -- сначала гостиницы, а потом общежития, были тяжелыми. Ни в какие социальные службы Надежда не обращалась, потому что просто не знала об их существовании. На всех первых этапах в Париже ей помогала Мари-Ноэль Пан, со-основатель и президент RuCI-Asile, русист, профессор русского языка Университета в Дижоне.

«В момент принятия решения прошения об убежище самым трудным было, что я была как «у семи нянек дитя без глазу». (смеется). Мне бесконечно все звонили и что-то советовали, и эти советы были совершенно противоположны друг другу, хотя все очень доброжелательно хотели помочь. В итоге я позвонила Мари-Ноэль, и поняла, что буду слушаться ее, потому что я сама юрист и знаю, что нельзя слушаться всех одновременно, надо слушать кого-то одного. Иначе не туда забредешь. И с тех пор все стало развиваться достаточно предсказуемо, хотя и долго».

Всеми вопросами социального обеспечения, страховкой, социальным приютом и вопросами, связанными с назначениями различных

необходимых официальных встреч, занималась парижская социальная служба [CAFDA](#).

Надежда говорит, что в самой этой организации все решается просто и быстро, когда у тебя есть randevu, назначенная встреча. Но чтобы попасть на эту встречу необходимо отстоять огромные очереди, которые в Париже повсюду.

«Каждый человек получает папку определенного цвета. Цвет папки обозначает «день прихода», когда ты можешь прийти и что-то попросить. Правда, помимо этого ты еще должен попасть в число 20 человек, а если не попал, то придется ждать следующую неделю. Меня больше всего расстраивало то, что это одинаково касалось даже каких-то элементарных нужд. Например, у нас не было полотенца и мыла, когда мы впервые оказались в социальной гостинице, и для этого тоже надо было прийти, попасть в число этих 20 человек. С моей точки зрения нелогично создавать такие очереди, чтобы человек пришел попросить полотенце.

У меня сложилось впечатление что в этой организации правая рука не знает, что делает левая, ярким примером было получение социальной гостиницы.

Справиться с проблемой предоставления жилья тогда не говорящая на французском языке, Надежда, самостоятельно не смогла, и в качестве представителя и переводчика от ассоциации RuCI-Asile в Париж к ней приехала Мари-Ноэль Пан.

Надежда Кутепова вспоминает, что это был один из самых трудных дней в ее жизни.

«Я очень рано встала, потому что нужно было отстоять в очереди, в которой не было абсолютно никакой солидарности, все против всех. Но вот открылась дверь, и охранник начал пускать людей, и когда до меня дошла очередь, я с ужасом обнаружила, что забыла эту свою зеленую папку «по цвету дня».

И охранник мне говорит: выходите вон. А я не могу выйти вон, я должна просить социальную гостиницу. «Нет, уходите, приходите в следующий понедельник». А я на улице и мне уже некуда пойти. В этот момент толпа поддавила, и я просто села на землю, вцепилась в решетку и сказала: «я никуда не пойду пока внутрь не запустите».

Они, конечно, восприняли это как агрессию: «Мадам, уходите, что вы делаете», сразу все перестали понимать по-английски, а по-французски я тогда еще не говорила, и сказали: «Сейчас мы будем вызывать полицию». Я говорю: «хорошо, звоните в полицию, пусть они приедут, и я им расскажу, что вы меня из-за папки не пускаете и что я на улице, а вы мне не помогаете».

И сидела, редела. Пришел второй охранник, они вдвоем продолжили меня пугать полицией, на что я им сказала, что полиции я абсолютно не боюсь, полиция может быть мне дружескую помощь окажет. Затем все же позвали социального ассистента, он меня узнал, меня запустили внутрь».

Дальнейшая процедура предоставления социального приюта, со слов Надежды Кутеповой, была также сложной и не скоординированной.

«Социальный консультант сказал мне: «ждите смс от социальной службы, вам сообщат, когда дадут гостиницу». Идет время, 20 декабря, никаких смс нет, никто в CAFDA трубку не берет. Мы сели в Макдональдс и Мари-Ноэль начала все эти службы обзванивать. Это сложная процедура, один номер назовите, другой, третий, сорок пятый, тебя бесконечно куда-то переключают, и так далее. В результате, когда она дозвонилась через два часа оказалось, что социальную гостиницу нам дали уже два дня назад. В общем у них какие-то сбои в проверке и передаче информации, и, как мне кажется, отсутствует мониторинг исполнения где и что происходит».

Несмотря на острую проблему социального устройства, которая обусловлена текущей нехваткой кадров для работы с миграционными потоками и недостаточного социального жилищного фонда, в целом все проблемы являются решаемыми, считает Елена Коломбо.

«Мы занимаем нишу по русскоговорящим беженцам, потому что мы в отличие от всех остальных ассоциаций на французской земле, хорошо знакомы с ситуацией внутри России: мы все выходцы из России или французы, какое-то время имевшие дело с российскими властями, жившие или преподававшие в России. Другими словами, мы обладаем субъективным и объективным взглядом на ситуацию с правами человека в России, которая и провоцирует новую волну беженцев.

Я считаю, что все существующие организации хорошо реагируют на наше присутствие, как ассоциации, «мы широко известны в узких кругах», ассо к

которым мы обращаемся – Красный Крест или Эмнести, внимательно относятся к нашим просьбам. С другой стороны, они производят все же какой-то отбор и по срочности досье оказывают помощь. Официальные лица, например, OFPRA реагируют не мгновенно, но по итогам некоторых обращений наши запросы все-таки срабатывают.

Апелляционный суд и вторичное обращение с просьбой об убежище во Франции

Ru-CI Asile является волонтерской ассоциацией, никогда не имевшей грантов и зарплат, и не получавшей никаких пожертвований.

Свою деятельность ее участники осуществляют на собственные средства и за счет волонтеров, каждый из которых выбирает себе подзащитного, например, по географическому положению и старается помочь чем может.

Этот принцип ярко продемонстрирован на примерах особенно сложных случаев, когда для лучшей концентрации кто-то один берет на себя всю работу по сопровождению досье.

Как, например, в ситуациях отказов в предоставлении убежища.

Вторым принципиальным по важности органом, участвующим в процедуре рассмотрения убежища во Франции, является апелляционный суд по делам беженцев, [CNDA](#)

Мари-Ноэль Пан, со-основатель и нынешний президент Ассоциации RUCI Asile подробно объяснила назначение и практику работы этого органа.

«CNDA это Национальный суд по делам беженцев, по предоставлению убежища, инстанция перед которой можно обжаловать первичный отказ в предоставлении убежища. Это административный суд, он не относится к

государственному совету Франции, то есть это заключительная инстанция по административным делам.

Он принимает решение по сути: либо согласиться с решением ОФПРА, либо отменить его и предоставить убежище или временную защиту. Что касается статистики, последняя которую можно упоминать это 2014 год, эта инстанция предоставляет убежище в 20% случаев, то есть отменяет решение ОФПРА».

Со слов Мари-Ноэль Пан, в CNDA проситель убежища пользуется помощью бесплатного адвоката в 60% случаев.

«Конечно если есть такая возможность, лучше нанять платного адвоката. Потому что у государственных адвокатов немного времени и возможностей встречаться с просителями убежища до собственно самого заседания и всегда есть риск, что адвокат плохо знает ситуацию, текст решения ОФПРА, и вообще лучше выбирать адвоката «в теме». Но платный адвокат стоит 1000-2000 евро.

Обжалование дел в апелляционном суде основывается на критике решения ОФПРА, где адвокат может доказать, в чем ошибается ОФПРА, где было недоразумение, быть может, или плохой перевод. Либо офицер ОФПРА что –то не понял из объяснений беженца. Судьи задают дополнительные вопросы и последним выступает адвокат».

Ассоциация RUCI-Asile в лице самой Мари-Ноэль Пан помогает вести одно из дел в апелляционном суде, которое является прямым продолжением дела «приморских партизан», и касается родного брата одного из погибших во время штурма члена группы.

Алексей Сладких бежал из России после допросов с применением физического насилия и попросил убежище во Франции. Мари-Ноэль Пан рассказала какую помощь она оказывает [Алексею Сладких](#) для рассмотрения дела на этапе обжалования отказа в предоставлении убежища.

«Он приехал сразу во Францию, потому что купил билет до Парижа, и виза была французская. Затем уехал в Голландию, к людям, с которыми познакомился в интернете, они заявили, что готовы ему помочь. Там подал запрос об убежище, но поскольку виза была французская, то через какое-то

время голландские власти экстрадировали его во Францию, в соответствии с [Дублинским соглашением](#)».

OFPPRA отказала Алексею Сладких, несмотря на доказательства о попытке уголовного преследования в связи с делом « приморских партизан » и доказательства допросов с применением физического насилия.

Со слов Мари-Ноэль Пан, в случае с делом Алексея Сладких было принято решение об участии в апелляционном суде платного адвоката, так как дело его было сложным.

«Адвоката нам рекомендовали, потому что она уже работала по делам, связанным с чеченскими беженцами, но все равно пришлось долго рассказывать о деле «приморских партизан», о полицейском беспределе, о географической особенности этого региона, потому что этот беспредел там был особенно страшен», - рассказывает правозащитница.

Также ей пришлось подробно объяснить адвокату и о многополярном внимании общества к делу «приморских партизан»: от тех, кто считает их героями и до тех, кто считает их преступниками.

« Я работаю и как переводчик на встречах Алексея с адвокатом, - говорит Мари-Ноэль Пан, -- хотя за время нахождения здесь, уже больше 3 лет, он хорошо выучил французский язык. Важно сказать, что нам откладывали рассмотрение дела четыре раза и мы ждем этот суд уже два года. Но и само дело партизан, там в Приморье, тоже продолжается и тянется много лет. Поскольку последним решением было [отмена приговора](#). На этот раз рассмотрение назначено на 8 марта, мы надеемся, что суд уже не отложат и рассмотрят дело по существу».

Анализируя общую картину обращений российских просителей убежища к членам ассоциации, практику работы с ними и ее итоги, Елена Коломбо упоминает, что в их практике было два отказа OFPPRA в предоставлении убежища и рассказывает о том, что практика таких

отказов не окончательна и Франция представляет еще одну, третью официальную возможность рассмотрения:

«Один из таких отказов OFPRA предоставить убежище был опротестован по второму рассмотрению, это был «чеченский» случай. Во время второго рассмотрения (повторного обращения в связи с вновь возникшими обстоятельствами – ред.) этот человек получил все-таки статус. То есть это уже была победа. И второй отказ -- это Алексей Сладких. Это дело находится в CNDA».

Комментируя официальную возможность повторного обращения в OFPRA в связи с вновь открывшимися обстоятельствами, которая очень редко бывает использована просителями убежища, как одна из самых сложных, Елена Коломбо называет главным условием для положительной оценки такого досье OFPRA наличие новых веских оснований и аргументов, таких, например, как яркое желание интеграции во французское общество:

«Обжалование в апелляционном суде наш первый подзащитный проиграл, несмотря на участие в деле адвоката. И к нам в ассоциацию он обратился только уже по итогам этой проигранной апелляции. Единственную возможность, которую я нашла, это записать его в университет. Для того, чтобы, с одной стороны обеспечить ему право торговаться за право нахождения здесь, ведь когда человек поступает в университет, его нельзя депортировать, не рассмотрев все «за» и «против». Во-вторых, поступление в университет означало для OFPRA действительное желание интеграции и эволюции во французском обществе. Мало того, что человек говорил по-французски, он еще и поступил в хороший университет, и это послужило аргументом во вторичном рассмотрении досье в ОФПРА, на которое все без исключения просители убежища имеют право».

На вопрос что является главным принципом этой правозащитной ассоциации, Елена Коломбо замечает, правозащитник не может судить и не выбирать того, кому помогать:

«Мы не имеем права морального, как я считаю, судить насколько один беженец заслуживает нашей помощи, а другой нет. Мы изначально относимся непредвзято и объективно к любому человеку, который к нам обращается.

В то же время в ходе изучения его досье могут возникнуть какие-то дополнительные обстоятельства и нам помешать. Но это крайне редкий случай, мы занимаемся довольно сложными досье, обращались за поддержкой в другие известные и влиятельные правозащитные организации.

Далеко не все и далеко не всегда нас поддерживали. Но случаи поддержки, очень важны, их рекомендации представляют собой очень весомый аргумент для ОФПРА, для присвоения статуса, поэтому мы с ними находимся в тесной координации и никогда не выбираем кому помогать».